

Кирпичики

Фольклористика
и культурная антропология
сегодня

*Сборник статей
в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова
и 40-летия его научной деятельности*

Москва
2008

УДК 821
ББК 82.3(0)
К43

Составители: *A.C. Архипова, М.А. Гистер, А.В. Козьмин*

В подготовке издания принимали участие:
*М.А. Ахметова, Е.Е. Жигарина, Б.Л. Кротов,
Е.С. Новик, Л.Н. Петракова, Н.В. Петров, Н.Г. Рудик, Е.П. Шумилова*

Фотография предоставлена
Е.С. Неклюдовой

Художник *М. Гуров*

ISBN 978-5-7281-1042-2

© Коллектив авторов, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

Е.В. Сафонов

Ульяновск

О ДОСТОВЕРНОСТИ СНА

В качестве основного критерия разграничения несказочной прозы и сказки наиболее часто называется «достоверность/недостоверность», т. е. установка на достоверность в первом случае и на недостоверность – во втором [см., например: Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994; Пропп 1976: 47; Путолов 1994; Зиновьев 1987: 385 и сл.]. Указанный критерий является pragmatischen, т. е. он предполагает принимать во внимание отношение рассказчика к тому, что тот рассказывает¹.

Важно разграничивать не только понятия «вымысел» (фантастическое) и «недостоверность», но и оппозиции «реальное/фантастическое» и «достоверность/недостоверность» [см.: Новик, Веселова 2000].

Критерий «реальное/фантастическое» есть результат проекции исследовательской оценки событий и установки текста [Новик, Веселова 2000]: текст в данном случае оценивается с точки зрения исследователя. Этой позиции придерживался и К.В. Чистов, когда, дифференцируя различные виды народной прозы, писал о том, что «в русской фольклористике принято определять сказку как рассказ с установкой на вымысел либо как рассказ с установкой на недостоверность. И то и другое неточно. Вымысел легко обнаружить и в предании, и в легенде, и особенно в побывальщинах» [Чистов 2005].

С точки зрения носителя традиции (рассказчика), о вымысле в легенде, предании, «побывальщине», быличке говорить, по-видимому, нельзя, поскольку обычно² в «действительность рассказываемого народ в этих случаях верит» [Пропп 1976: 50]. Применительно же к рассказам о снах оппозиция «достоверное/недостоверное» выглядит несколько парадоксально.

135

¹ О pragmatischen подходе см., например: Morris 1983.

² О некоторых исключениях из этого «правила» см. ниже.

С одной стороны, в большинстве случаев нельзя говорить о том, что человек, рассказывающий о своем сне, расценивает его как ситуацию, произошедшую в реальности³. Напротив, сон часто «противопоставляется несну, яви, повседневной, обычной жизни» [Толстой 1993: 91]. С другой стороны, вряд ли справедливо считать, что нарратив о сновидении передается с «установкой на недостоверность». Наоборот: «человек рассказывает сон <...> – как если бы он правдиво припоминал события, свидетелем которых оказался» [Малcolm 1993: 128]. Справедливо в этом отношении замечание Л. Виртанен о том, что «люди пишут о своих сновидениях в письмах точно так же, как и о любых других новостях» [Virtanen 1989: 143]⁴.

Некоторые тексты сновидений могут быть восприняты как повествование о вполне реальной ситуации, если мы в качестве своеобразного эксперимента удалим «маркеры жанра»⁵. Например:

...Я мыла полы в школе... Мою полы в школе, и зазвучала музыка во дворе школы, я выбежала, – все танцуют, и мой там одноклассник среди танцующих. Он подходит, приглашает меня, и мы танцуем, танцуем <...> И наша пара остаётся одна, – то есть мы с ним вдвоём, и все так на нас пристально смотрят, я застеснялась, засмутилась, отстранилась от него. Я говорю: «Нет, – говорю, – танцевать я с тобой не буду», – и ушла от него, и снова начала мыть полы, зашла в школу и мою снова полы... [1].

Чрезвычайно важно, что данный сон относится к числу ярких, запомнившихся, «фольклорных»⁶; рассказ о нем способен не раз воспроизводиться и ретранслироваться. Это обусловлено тем, что в какой-то степени банальное (для постороннего слушателя) содержание соотносится рассказчиком с нетривиальным событием реальности и толкованием, подключающим этот текст к традиционной картине мира:

³ По крайней мере, именно так обстоит дело в современной культуре: в этом отношении показательны, например, дискуссии об онтологическом статусе реальности и роль концепта сна в данной полемике. «Первичным» [Леви-Строс 1999: 126] культурам жесткое противопоставление сна и яви было, видимо, свойственно в меньшей степени [см., например: Тайлор 2000: 150–167 и др.; Фрэзер 1998: 196–198 и др.; Выготский 1999: 154].

⁴ Ср. также шуточно-парадоксальный вопрос: «Какие новости – как там у вас во сне? Колбаса подешевела?» [Шифрин 1997].

⁵ К маркерам жанра мы относим лексемы, сигнализирующие о том, что рассказываемое происходило во сне. С. Небежеговская называет данные конструкции формулами, информирующими «о том, что мир, о котором идет речь, принадлежит сфере сна» [Левкиевская 1997: 55].

⁶ Подробнее о критериях разграничения фольклорных и нефольклорных сновидений мы говорим в своей диссертационной работе «Современные рассказы об иномирных сновидениях» (рукопись).

А потом через несколько месяцев я узнала, что одноклассника убили, то есть потом анализировала – оказывается, я мыла полы, то есть как бы смыкала его с земли – так получается... [1]⁷.

Таким образом, критерий «достоверность/недостоверность», являющийся основой разграничения сказочной и несказочной прозы, применительно к рассказам о снах должен быть переосмыслен (подчеркнем, что мы в пределах данной работы не учитываем других значимых критериев, по которым можно провести это разграничение⁸).

Мы предполагаем, что названная выше оппозиция является нерелевантным критерием для отнесения рассказов о снах к той или иной разновидности устной прозы.

Критерий «достоверность/недостоверность» выполняет функцию разграничителя двух разновидностей прозы только в том случае, если он, пользуясь термином логики высказываний, строго дизъюнктивен⁹. Иными словами, рассказчик либо не верит в то, о чем повествует, – тогда это сказка, либо верит – тогда это не сказка.

Именно в этом случае имеет смысл говорить о таком апофатическом¹⁰ термине, как несказочная проза: «Основной признак сказки <...> состоит в том, что *в действительность* рассказываемого ни исполнитель, ни слушатель не верят. <...> Он [признак] в значительной степени определяет всю поэтику сказки. С формально-логической стороны он установлен правильно, так как все другие виды народной прозы (предание, легенда, быль, сказ) основаны на попытках передать реальность (курсив наш. – E. C.)» [Пропп 1976: 47].

⁷ Ср. запрет мести, мыть полы; соотнесенность данного акта со смертью [Новичкова 1996: 148] и актуальность для снов и сонников этого образа-мотива [Разумова 2001: 99; Гура 2001: 88].

⁸ Например, ритуальность/неритуальность, сакральность/несакральность, привязка к «конкретно-этнографическому тексту»/отсутствие таковой, тип героя и т. д.

⁹ В отношении некоторых традиций, однако, исследователи постулируют существование «нестрогой достоверности», обусловленной отсутствием четко выраженной установки на вымысел в повествованиях этих культур [Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994]. Вместе с тем, говоря о современном фольклоре, ученые склонны рассматривать колебания в отношении «установки на достоверность» как жанровую трансформацию с возможным переходом, например, былички в сказку [Мелетинский 1970; Померанцева 1975: 24, 150].

¹⁰ Вообще определение объекта через отрицание («отбрасывание») не свойственных ему определений имеет довольно сложный когнитологический и философско-теологический смыслы, а также длительную историю [из недавних работ, посвященных «апофатической рефлексии», см., например: Бакеева 2005].

Однако дихотомия «было/не было», «реальность/нереальность», «истина/нестина» и т. п. оказывается для сновидений «тесноватой» и имеет тот общий для всех дихотомических делений недостаток, который проявляется в крайней неопределенности части с «не». Вероятно, необходимо расширение данной оппозиции за счет прибавления минимум еще одного члена: например, «реальность/ирреальность/нереальность».

Как показывают тексты, записанные от сельских и городских жителей, такое расширение вполне адекватно оценке самих информантов.

Хорошо известно также (например, в лингвистике и логике), что «ирреальные модальности *не могут быть истинными или ложными*» [Руднев 1997], но они *возможны*. Немного перефразируя известную фразу Л. Витгенштейна¹¹, суть вопроса состоит не в том, верит ли информант в реальность рассказываемого или нет, а в том, что здесь означает глагол *верит*.

Итак, что означает «верить» в сны?

Во-первых, как указывает Н.И. Толстой, под этим обычно подразумевают веру в то, что приснившееся есть символическое предвестие определенного реального события (код, требующий дешифровки) [Толстой 1993: 89–91].

Отметим здесь два важных для нас момента.

1. Событие реальности и образ-мотив сна соотносятся скорее не как следствие и причина, а как двусторонняя сущность знака, причем нельзя определенно сказать, что есть означаемое, а что – означающее. Событие так же влияет на характер и выбор образа сновидения, как последний – на выбор соотносимого события [Лурье 2001: 35, 39–40; Сафонов 2004]. Здесь важно, с одной стороны, то, что сон есть феномен повышенной семиотической неопределенности [см.: Лотман 2000], а с другой – то, что в ситуации сбывающегося сновидения наличествует особый, психологически и культурно обусловленный настрой сновидца, ожидающего наступления события, которое можно соотнести со сном [см., например: Сафонов 2004].

2. «Достоверность/недостоверность» сна в этом случае не есть вера в реальность или нереальность рассказываемого, но есть вера в адекватность/неадекватность соотнесения сна (с точки зрения сновидца) с событием действительности, т. е. его референции.

Во-вторых, вера в сон подразумевает осмысление сновидения как иного мира («того света», потусторонней реальности) [см., например: Толстой 1993: 91], в котором действуют свои особые закономерности, возможно то, что невозможно в повседневности. Достаточно образно о таком подходе пишет М.М. Валенцова: «...“там” другие законы <...> “там” слышат не ушами и видят не глазами, “там” знание непосредственно» [Валенцова 2001: 47].

¹¹ «В употреблении выражения “истинно или ложно” есть нечто дезориентирующее, потому что оно словно бы говорит: “Это либо соответствует, либо не соответствует фактам”, – а вопрос-то как раз и состоит в том, что здесь означает “соответствует” (курсив наш. – Е. С.)» [Витгенштейн 1994].

Прямое выражение такого отношения рассказчика ко сну в тексте присутствует относительно редко¹², в основном оно становится ясно из самого сюжета, наличия тех или иных мотивов (полета [Ливанова 2001], прохождения сквозь стены, обладания другими сверхъестественными способностями и т. д.). Например:

...Снилось мне, что я хожу в шапке-невидимке и прохожу сквозь стены, среди людей, а они меня не замечают [2].

Однако иногда встречаются и эксплицитные оценки:

Ведь сны же снятся, как будто совершенно другой мир, как будто это другая жизнь, в которой есть свои идеалы и ценности, отличные от реальных [3].

Подчеркнем, что при таком подходе как инобытийные расцениваются фактически все сны. Приснившееся не есть реальность или нереальность, а некая квазидействительность¹³, сфера воображаемого.

Упомянутая выше «установка на достоверность» (когда сон, например, пересказывается как новость, как нечто воспринятое) при таком отношении к снам также актуальна. Это обусловлено, в частности, тем же, о чем пишет Е.В. Падучева, размышляя о референции текста с внеязыковой действительностью: «Механизмы соотнесения языкового текста с вымышенным миром и с реальным во многом подобны» [Падучева 1996: 244]. При этом исследовательница проводит весьма любопытное для нас разграничение «разговорного дискурса» и «художественного текста»: «Подобны, но не тождественны (курсив наш. – E. C.). Взять хотя бы то, что реальный мир существует, вообще говоря, независимо от текста, а вымышенный мир текста порождается текстом. Иначе можно сказать так: в разговорном дискурсе говорящий принадлежит миру, в котором он осуществляет референцию; а автор художественного текста, вообще говоря, нет» [Падучева 1996: 244–245].

Итак, сон – в силу нерелевантности для него критерия «вымышенный/реальный» – снова проявляет себя как «странный феномен» [Малкольм 1993: 125]:

¹² Ср. сходное наблюдение по отношению ко всей фольклорной прозе: «Противопоставление “достоверный/недостоверный” терминологически не выделяется [в текстах самих носителей], но, несомненно, является актуальным для всего повествовательного фольклора» [Мелетинский, Неклюдов, Новик 1994].

¹³ Данный термин к обозначению «денотата архаической словесности» применяет С.Ю. Неклюдов [Неклюдов 1995: 673]. Показательно, что исследователь говорит о близости «образов-понятий» квазидействительности к реальности (вплоть до полного неразличения) и сопоставляет эту ситуацию с неразграничением сна и яви в «примитивных» культурах.

а) нельзя сказать (по крайней мере, с точки зрения сновидца¹⁴), что ирреальный мир сна «порождается текстом», т. е. рассказом о сновидении;

б) нельзя сказать «принадлежит» или «не принадлежит» рассказчик сна миру, в котором он осуществляет референцию, поскольку, чтобы определить этот статус говорящего, необходимо сначала определить статус мира, о котором он рассказывает.

По той причине, что такая постановка вопроса требует отдельного и подробного рассмотрения, мы ограничимся лишь указанием на вероятные пути его решения.

На наш взгляд, один из самых перспективных подходов в этой области связан с разработками в теории «возможных миров» [см., например: Крикке 1981; Хинтикка 1980; Льюиз 1997; Руднев 1997]. Установка на достоверность в рамках данного подхода предполагает принадлежность рассказчика миру, о котором он повествует: «Любой мир, в котором история рассказывается как достоверный факт, а не как вымысел, должен принадлежать множеству миров, в которых разыгрывается фабула повествования» [Льюиз 1997].

Из этого следует (с известной долей условности), что можно разграничивать достоверность рассказчика (*A*) и достоверность слушателя (*B*). В случае, если *A=B*, повествователь и аудитория пребывают в едином «перцептуальном пространстве-времени»¹⁵ (одном множестве возможных миров). Если *A≠B*, то их «перцептуальная сфера» не совпадает при возможной близости «концептуального» и, естественно, «реального» пространства и времени. Рассказчик, следовательно, *принадлежит* миру, в котором он осуществляет референцию, но этот мир не во всех точках пересекается с множеством возможных миров слушателя.

Понятно, что такой подход применим ко всей несказочной прозе (в «возможном мире» рассказчика былички существуют домовые, черти и т. д.; рассказ о них достоверен в его «перцептуальном времени и пространстве»).

В-третьих, *вера в сон* подразумевает определенную типологию рассказов о снах: статус значимых (первый подход) и инобытийных (второй подход), т. е. *достойных веры*, имеют далеко не все сновидения.

В рамках подобного отношения сон обычно осмысляется как некое пространство, «коммуникативный коридор», благодаря которому становится *возможным* контакт с иным миром¹⁶.

¹⁴ Заметим, что позиция Н. Малкольма, объявившего единственной «реальностью», доступной для изучения, рассказ о сне, – это именно позиция слушателя, не рассказчика [Малкольм 1993].

¹⁵ Данный термин Р.А. Зобов и А.М. Мостепаненко используют применительно к общему рассмотрению произведения искусства, существующего согласно авторам статьи в трех сферах: реального, концептуального и перцептуального времени-пространства. Образы сна они относят к последней [Зобов, Мостепаненко 1974: 14–15 и сл.].

¹⁶ Об особенностях текстов, расцениваемых как рассказы об иномирных снах, см., например: Толстая 2001; Сафонов 2005; Сафонов 2006.

Отметим также, что, говоря о разграничении сказки и несказочной прозы (по основному критерию – установке на достоверность/недостоверность), мы постарались подчеркнуть *особый статус* рассказов о сновидениях. При этом *a priori* предполагалось, что данный критерий в отношении «традиционных» прозаических жанров применим на 100% (иначе, как уже упоминалось, строгой дизьюнкции не получается и правомерность дихотомического разграничения «сказочная/несказочная» проза оказывается под сомнением).

В наши задачи не входит подробное рассмотрение данного вопроса, но представляется необходимым сделать некоторые осторожные замечания, чтобы показать определенную *иллюзорность* мысли об особом статусе снов в этом отношении.

Остановимся на наиболее близких к рассказам о снах жанрах былички и так называемой бывальщины¹⁷.

Большинство исследователей справедливо называют установку на достоверность важнейшим «традиционным принципом исполнения» былички [Зиновьев 1987: 393; Померанцева 1975: 9 и др.]. Однако при этом отмечается и нередко встречающееся выражение сомнения в реальности описываемых событий у самих рассказчиков [например: Зиновьев 1987: 393].

Современные полевые записи данных текстов показывают, что экспликация подобного сомнения принимает клишированные формы и носит достаточно устойчивый характер (показательно, например, то, что инициальную формулу «я сам не верю, но говорят...» воспроизводят в зонах межэтнических контактов и представители нерусского этноса)¹⁸.

Наличие сомнения в быличке и в бывальщине объясняется возрастающей ролью эстетической функции, «развлекательной установки» [Зиновьев 1987: 394] (в противовес обычному доминированию «внеэстетической функции» [Чистов 2005]). Отмечается, что «подобные сомнения вполне объяснимы и <...> могут свидетельствовать о разрушении жанровой специфики произведения» [Зиновьев 1987: 396], трансформации этих рассказов в сказку и т. д. [Зиновьев 1987: 398; Померанцева 1975: 24, 150, 160 и др.; Мелетинский 1970]. Исследователи также говорят о появлении «псевдобыличек» и «антибыличек» [Зиновьев 1987: 398; Соколова 1970: 196] – рассказов, использующих материал быличек для пародии и т. п.

Нам представляется, что, рассматривая бытование былички в синхронном плане, говорить об «угасании» или разрушении¹⁹ этого жанра (в связи с экспликацией сомнения в данных текстах) вряд ли корректно.

В настоящее время выражение сомнения в текстах указанного жанра нередко является неотъемлемой чертой их поэтики (значимо то, что

¹⁷ Близость проявляется здесь на разных уровнях: мотивном, композиционном и т. д. [см., например: Бобылева, Миргородская 2000: 254].

¹⁸ В частности, автор наблюдал подобное в с. Большая Кандарать Карсунского р-на Ульяновской обл.

¹⁹ Так, Пропп называет быличку «естественно вымирающим жанром» [Пропп 1984: 48]. См. также: Померанцева 1975: 160–161, и др.

формулы сомнения закреплены структурно – в инициальных или финальных частях рассказа).

То, что информант не верит или сомневается в достоверности рассказа, не мешает ему быть знатоком быличек и активным их рассказчиком (ср. пример, который приводит В.П. Зиновьев, говоря о П.А. Достовалове, жителе г. Нерчинска [Зиновьев 1987: 393–396]).

Для рассказов о сновидениях, как отмечает А. Каилова-Брегенхой, также свойственно это своеобразное «смешение» веры/неверия, совсем не препятствующее продуцированию данных текстов. Исследовательница приводит в качестве примера следующее высказывание информанта: «Я действительно не верю в сны, но надеюсь, что хорошие сбудутся» [Kaivola-Bregenhoj 1993: 212–213].

Особую роль в этом (помимо названных выше причин) играет, вероятно, рассказывание «случаев», непосредственным свидетелем которых информант не являлся, от первого лица (ср. тексты, записанные от имени «сомневающегося» Достовалова [Зиновьев 1987, 10–13, № 1–3]).

Подобным образом рассказывают и сны, приснившиеся *другому* (своебразные «бывальщины»²⁰):

Ну, рассказывал [муж информантки]: отца своего, отец у него когда умер-то <...>. Да, говорит, мой отец, мой отец в доме, говорит, в новом, меня зовет, иди сюда, сынок. Захожу я вроде как еще мальчишка маленький. Подхожу к нему, а он: «Вот я дом тебе построил, приходи». Вот. Я говорю, отец, да мне, мол, рано еще. У него, говорит, еще плотники были. «Нет, говорит, пора». <...> И он сказал, что «я умру». И в тот день он на самом деле умер [4].

Третье лицо в таких рассказах употребляется в основном в инициальных и финальных частях текста. Основную часть передают от первого лица, что – вместе с вербальными показателями «изначальной» принадлежности рассказа другому (типа говорят/грит/гыт и т. д.) – как бы снимает «ответственность» за рассказ и позволяет соблюдать традиционные принципы его передачи с «установкой на достоверность».

С другой стороны, некоторое исключение имеется и для сказки. Мы не считаем его определяющим, однако любопытен сам факт того, что сказку в современной культуре можно рассказывать и слушать с установкой на достоверность либо, пользуясь термином, предложенным для архаических традиций [Мелетинский 1970], – на «нестрогую достоверность», частичную веру. Имеется в виду достаточно активный и легко забываемый исследователями контингент слушателей/рассказчиков в возрасте примерно от 3 до 6 лет²¹.

■ 20 Разграничение, предложенное Э.В. Померанцевой [Померанцева 1975: 6] для «суеверных меморатов» и «суеверных фабулаторов» (быличек и бывальшин), означающее, что в реальном бытованиях данных текстов в некоторой степени преодолевается этим постоянным «мерцанием» границ между «я» и «он».

■ 21 То, что в современной культуре дети этого возраста проявляют особую активность в отношении данного жанра и являются полноправными «носителями» определенной folk-культуры, можно, вероятно, считать бесспорным.

Ср., например, следующий фрагмент интервью (вопросы задавались сразу после рассказанной ребенком сказки):

[Баба-яга есть?] Есть. [Где она живет?] Ну, она в лесу, конечно, живет.
[Ты видела Бабу-ягу?] Да ни разу, я не ездила в лес целое лето... [5].

Как мы упоминали, единственная цель последних замечаний – отметить *неабсолютность* разбираемого критерия, разграничитывающего разновидности устной прозы, и для *традиционных* для фольклористики жанров.

Помимо сказанного, причина прозрачности границ между достоверным и недостоверным в быличке – весьма актуальное для этой группы текстов представление об ином мире.

Встреча с представителями иного мира, лежащая в основе определения этого жанра [Зиновьев 1987: 381; Померанцева 1975: 4; и др.], нередко сопровождается мотивами «мороки», «сноподобия» всего происходящего. Ср. лаконичный финал (напоминающий сказочную формулу) одного из рассказов, опубликованных В.П. Зиновьевым: «Было или нет?..» [Зиновьев 1987: 30].

Отсюда характерная близость терминов, употребляемых в этих текстах: «привиделось», «примерещилось», «приснилось» и т. п.

Встречающаяся в быличках и бывальщинах неуверенность в «онтологическом статусе» являющихся персонажей (произошло в реальности, ирреальности или вообще не было) обусловливает и саму возможность сомнения в достоверности рассказываемого, т. е. встраивает эту возможность в поэтику данных текстов. Это позволяет думать о *естественноти* (до некоторой степени, конечно) присутствия в быличке – в той или иной форме – экспликации сомнения, а значит, о необходимости переосмысления критерия «достоверность/недостоверность» применительно к современному их бытованию.

Литература

143

- Бакеева 2005 – *Бакеева Е.В.* Понимание как воссоздание смысла бытия: Апофатический путь: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2005. Цит. по: <http://dspace.lib.usu.ru/bitstream/123456789/677/1/urgu0324s.pdf>
- Бобылева, Миргородская 2000 – *Бобылева Е.В., Миргородская Н.Н.* Народные рассказы о приходе покойника // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ / Ред.-сост. М.Л. Лурье. СПб., 2000. С. 253–274.
- Валенцова 2001 – *Валенцова М.М.* Полесская традиция о сновидениях // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 44–54.

- 144
- Веселова 2000 – *Веселова И.С.* Жанры современного городского фольклора: повествовательные традиции. Дис. ...канд. филол. наук. М., 2000.
- Веселова 2001 – *Веселова И.С.* Структура рассказов о снах // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 171–180.
- Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. Цит. по: <http://khazarzar.skeptik.net/books/wittgen3.zip>
- Выготский 1999 – *Выготский Л.С.* Мысление и речь. М., 1999.
- Гура 2001 – *Гура А.В.* Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 70–94.
- Зиновьев 1987 – *Зиновьев В.П.* Быличка как жанр фольклора и ее современные судьбы // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987. С. 381–400.
- Зобов, Мостепаненко 1974 – *Зобов Р.А., Мостепаненко А.М.* О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 11–25.
- Крипке 1981 – *Крипке С.А.* Семантическое рассмотрение модальной логики // Семантика модальных и интенциональных логик. М., 1981.
- Леви-Строс 1999 – *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1999.
- Левкиевская 1997 – *Левкиевская Е.Е.* Польский народный сонник // Живая старина. 1997. № 4. С. 54–55.
- Ливанова 2001 – *Ливанова Н.Е.* Сны о полетах // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 117–142.
- Лотман 2000 – *Лотман Ю.М.* Сон – семиотическое окно // Лотман Ю.М. Культура и взрывы: Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб., 2000. С. 123–126.
- Лурье 2001 – *Лурье М.Л.* Вещие сны и их толкование (на материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 26–43.
- Льюиз 1997 – *Льюиз Д.* Истинность в вымысле // Возможные миры и виртуальные реальности / Сост. В.Я. Друк, В.П. Руднев. Вып. 1. М., 1997. Цит. по: http://library.magia-world.org.ru/modules/Files/pub_dir/Mir_i_Virtual.rar
- Малcolm 1993 – *Малcolm Н.* Состояние сна. М., 1993.
- Мелетинский 1970 – *Мелетинский Е.М.* Миф и сказка // Этнография и фольклор. М., 1970. С. 132–149.
- Мелетинский 1994 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 39–104.
- Моррис 1983 – *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983. С. 43–97.

- Неклюдов 1995 – *Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст–денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 667–675.
- Новик – *Новик Е.С.* К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока. Цит. по: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik10.htm>
- Новичкова 1996 – *Новичкова Т.А.* Сор и золото в фольклоре // Полярность в культуре. СПб., 1996. С. 121–156.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Померанцева 1975 – *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.
- Пропп 1976 – *Пропп В.Я.* Жанровый состав русского фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 46–82.
- Пропп 1984 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984.
- Путилов 1994 – *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994. Цит. по: <http://infolio.asf.ru/Philol/Putilov>
- Разумова 2001 – *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: быт. Фольклор. История. М., 2001.
- Руднев 1997 – *Руднев В.П.* Модальность и сюжет // Возможные миры и виртуальные реальности / Сост. В.Я. Друк, В.П. Руднев. Вып. 1. М., 1997. Цит. по: http://library.magiaworld.org.ru/modules/Files/pub_dir/Mir_i_Virtual.rar
- Сафонов 2004 – *Сафонов Е.В.* «Вещее» сновидение и «сбывающееся» событие: механизмы соотнесения // Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск, 2004. С. 220–224.
- Сафонов 2005 – *Сафонов Е.В.* Образ «иного мира» в современных рассказах о сновидениях // Образ жизни и образ мыслей: материалы научных чтений: (7 сентября 2005). Ульяновск, 2005. С. 35–42.
- Сафонов 2006 – *Сафонов Е.В.* «Иной мир» в рассказах о снах и представлениях, связанных с похоронно-поминальной обрядностью русских // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2006.
- Соколова 1970 – *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М., 1970.
- Тайлер 2000 – *Тайлер Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск, 2000.
- Толстая 2001 – *Толстая С.М.* Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. М., 2001. С. 198–219.
- Толстой 1993 – *Толстой Н.И.* Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа // Сон – семиотическое окно: Сновидение и событие; Сновидение и искусство; Сновидение и текст: XXVI Випперовские чтения. М., 1993. С. 89–95.
- Фрэзер 1998 – *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1998.
- Хинтикка 1980 – *Хинтикка Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Чистов 2005 – *Чистов К.В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. статей. М., 2005. С. 44–51.

- Шифрин 1997 – Шифрин Б. // Возможные миры и виртуальные реальности / Сост. В.Я. Друк, В.П. Руднев. Вып. 1. М., 1997. Цит. по: http://library.magia-world.org.ru/modules/Files/pub_dir/Mir_i_Virtual.rar
- Kaivola-Bregenhøj 1993 – Kaivola-Bregenhøj A. Dreams as Folklore // Fabula. Bd. 34. Heft 3/4, Berlin; N.Y., 1993. P. 211–224.
- Virtanen 1989 – Virtanen L. Dream-telling Today // Studies in oral narrative / Ed. by A.-L. Siikala. Helsinki, 1989. P. 137–148.

Список информантов

1. Кочеткова Ирина Владимировна, 1972 г. р., высшее образование, род. в с. Русская Бектяшка Сентилеевского р-на Ульяновской обл., живет в Ульяновске; зап. Е. Сафонов, О. Сафонова.
2. Дмитракова Ирина Олеговна, 1987 г. р., среднее образование, род. и живет в Ульяновске; зап. Ю. Зотова.
3. Давыдова Ирина Ивановна, 1956 г. р., высшее образование, род. и живет в Ульяновске; зап. К. Тисленко.
4. Николаева Ольга Федоровна, 1934 г. р., образование 4 класса, род. и живет в р. п. Игнатовка Майнского р-на Ульяновской обл.; зап. С. Пушкина.
5. Сафонова Настя, 2000 г. р., род. и живет в Ульяновске; зап. Е. Сафонов.